

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете**

1885. Книга 1

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1885. Книга 1 / Нет автора – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 383 с.

ISBN 978-5-4241-7863-4

ISBN 978-5-4241-7863-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS

OCT 11 1963

F. H. C. 100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

100

1

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

Р Ѣ Ч Ъ

ЧИТАННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОЕДИНЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

И

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

СЕКРЕТАРЕМЪ ОБЩЕСТВА

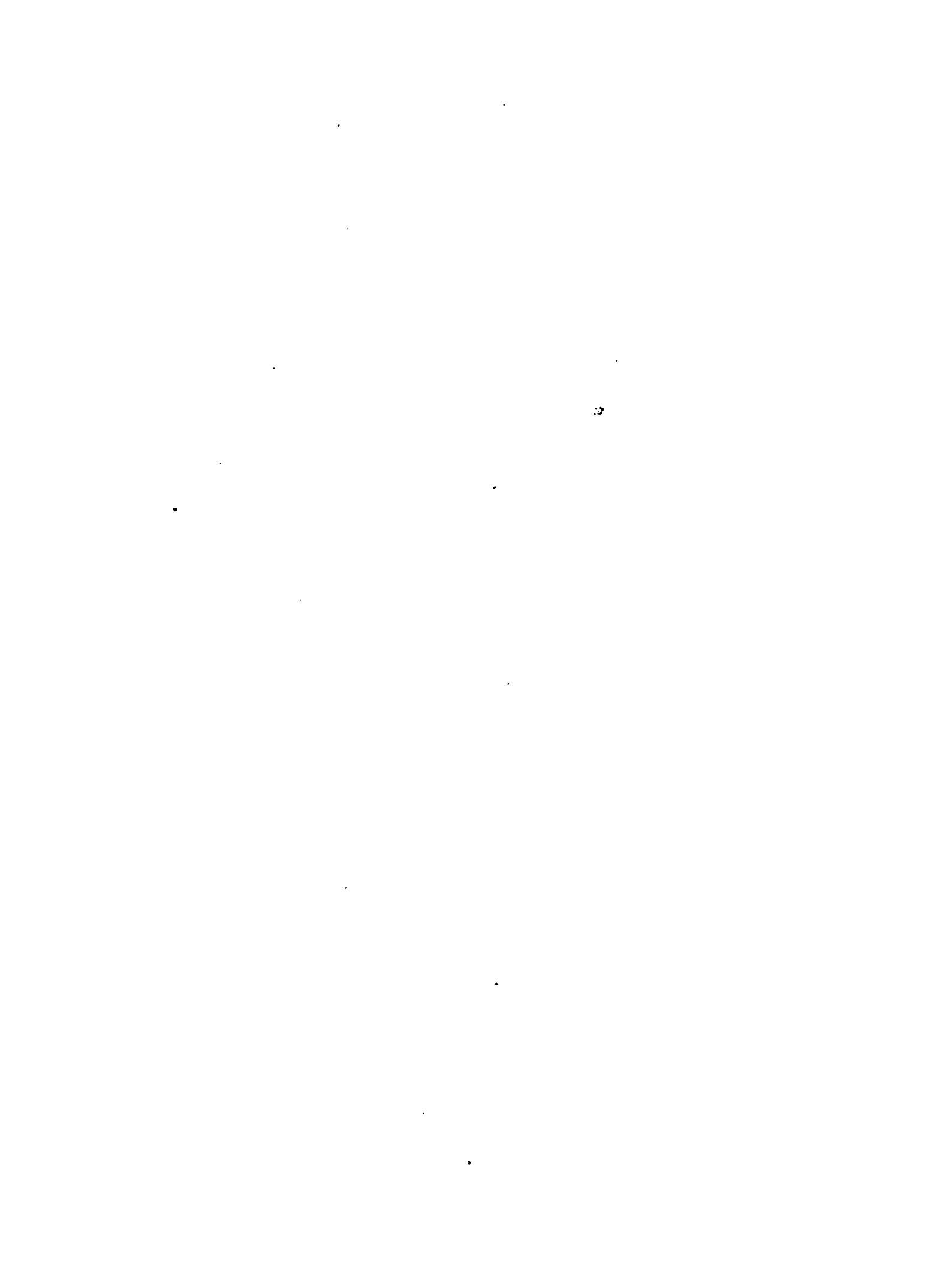
Е. В. Барсовымъ

6 апр. 1885 года

ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ПАМЯТИ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СВ. МЕФОДІА.

силы совершившія этотъ необычайный, богатырскій историческій подвигъ невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе.

Всѣ первоисточники указываютъ намъ, что Солунскіе братья Кириллъ и Меѳодій были высокаго благороднаго происхожденія. Въ благочестивой и просвѣщенной Солунской семьѣ не могли не жить преданія объ Апостолѣ языковъ, который основалъ Солунскую церковь и оставилъ ей два свои посланія, называя ее образцемъ для всѣхъ вѣрующихъ. Вселенскій идеалъ церкви двигавшій всею жизнію этого Апостола, видимо отразился на воззрѣніяхъ и всей дѣятельности Солунскихъ братьевъ. Рано должна была зародиться въ нихъ та сила, которая рѣшила задачу ихъ жизни и обрѣкла ихъ на всѣ страды Апостольскаго подвига ради просвѣщенія Славянскихъ народовъ, считавшихся варварами въ Царѣградѣ и Римѣ.

На добрыхъ дѣтяхъ прежде всего отражается воздѣйствіе доброй матери; она своимъ мыслящимъ взоромъ зажигаетъ въ ихъ очахъ первыя искры разумѣнія; она своимъ ласковымъ лобзаніемъ зараждаетъ въ ихъ сердцахъ первые порывы и стремленія. Въ жизни Славянскихъ первоучителей мы замѣчаемъ именно глубокіе слѣды воздѣйствія на нихъ любящей ихъ матери. Говоря о Кириллѣ преданіе живописуетъ эту нравственную связь эпическимъ приемомъ: тотчасъ по рожденіи—младенецъ Кириллъ отвергнулся отъ груди кормилицы и припалъ къ груди матери; онъ хотѣлъ кормиться отъ корени добраго и быть отоображеніемъ ея высоко-нравственной личности. А когда онъ умеръ, на чужой сторонѣ въ Римѣ, братъ его Меѳодій вспомнилъ завѣтъ своей матери и горячо со всею ревностію духа хлопоталъ его исполнить. Тяжкимъ казалось ему лишить любящую мать старушку послѣдняго утѣшенія видѣть гробъ родимаго сына. «Святой отецъ! Взывалъ онъ къ папѣ. Когда мы покидали родную землю ради нашего служенія, мать, проливая горячія слезы умоляла насъ, что если кто либо изъ насъ умретъ на чужбинѣ, то братъ пережившій долженъ привести тѣло умершаго брата въ его монастырь и похоронить его тамъ. Да соизволитъ же твоя Святость мнѣ ничтожному выполнить этотъ долгъ, чтобы не казалось, что я противлюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери.»

Изъ этихъ явленій глубочайшей любви Солунскихъ братьевъ къ своей матери, видно, кто впервые зажегъ въ ихъ сердцахъ Божественное пламя и сочувствіе къ дѣлу Божьему. Мы не колеблясь принимаемъ Аѳонское преданіе, гдѣ жили и подвизались Солунскіе братья, что если отецъ ихъ и былъ Грекъ, то по матери они были Славяне. Они не были только учителя, проповѣдники, миссіонеры среди Славянъ. Нѣтъ; любовь ихъ къ Славянству—это была любовь прирожден-

Достопочтенное собраніе!

Настоящій праздникъ есть праздникъ не только вѣры, но и науки. Церковь Русская ликуетъ въ честь славянскихъ первоучителей отъ моря и до моря. Русскій народъ молится и покланяется имъ отъ мала и до велика. Исторической наукѣ остается лишь сказать свое слово, которое бы историческимъ лучемъ озарило всенародное сознание и внесло историческій смыслъ во всеобдержное всероссійское ликование.

Минута слишкомъ торжественна и слово потому слишкомъ отвѣтственно!

Но въ области научныхъ изслѣдованій о Славянскихъ первоучителяхъ еще есть такъ много неяснаго и нерѣшеннаго, столько разныхъ мнѣній и гаданій взаимно себя отрицающихъ, что для вполнѣ точной и строго научной оцѣнки всѣхъ явленій ихъ просвѣтительной дѣятельности представляются неодолимыя затрудненія. Это даетъ нѣкоторое успокоеніе моему смущенному сердцу, что вы, благородные мужи науки, съ добрымъ снисхожденіемъ отнесѣтесь къ недостаточности моего слова, которое не въ силахъ ни отвѣчать торжественности этой минуты, ни выразить по достоинству вашего свѣтлаго и высокаго настроенія.

Тысяча лѣтъ миновала со смерти первоучителя Мееодія. Легко сказать: «тысяча лѣтъ» но трудно себѣ представить это необъятное пространство времени самымъ богатымъ воображеніемъ. Тысячу разъ въ этотъ періодъ земля совершила свой бѣгъ кругомъ солнца; сотни тысячъ разъ успѣла повернуться кругомъ своей оси. Высохли рѣки и озера; не разъ въ своихъ составахъ обновились океаны. А сколько человѣческихъ жизней зарыто въ могилахъ! Еслибы для всѣхъ исчезнувшихъ поколѣній, по древнему обычаю, насыпать курганъ на курганъ, то, кажется, высота ихъ простерлась бы до неба и самая

земля измѣнила бы центръ своей оси. Но среди всеобщей смерти въ природѣ, нѣтъ смерти для человѣческаго духа. Великіе люди, какъ и великія дѣла, не умираютъ въ исторіи. Въ этой способности народовъ помнить и созерцать образы этихъ людей въ ихъ великихъ, возвышенныхъ и святыхъ чертахъ, отменяя въ нихъ все шероховитое, слабое, плѣтчатое, кроется тайна жизненности человѣческаго разума, его идеаловъ и всякаго нравственнаго прогресса. Бываютъ эпохи народныхъ обновленій, когда эти люди и ихъ дѣла, при новыхъ теченіяхъ жизни, какъ бы выпадаютъ изъ памяти народовъ, но лишь затѣмъ, чтобы когда завершится обновленіе, вновь воскреснуть въ ихъ сознаніи съ новою силою и новою живучестію.

Славянскіе первоучители никогда не умирали для святой Руси и на святой Руси. Въ каждый историческій періодъ они жили въ народномъ сознаніи въ ликахъ и образахъ, ярко отражавшихъ направленія русской исторической жизни.

Минуетъ новая тысяча лѣтъ; пройдутъ новыя сотни вѣковъ и къ тогдашнимъ поколѣніямъ эти великіе люди лишь будутъ стоять родственнѣе и ближе, чѣмъ видимъ ихъ мы, и грядущіе мужи науки, быть можетъ, въ этомъ же святилищѣ высшаго знанія, въ такомъ же точно торжественномъ собраніи, будутъ яснѣе сознавать и глубже чувствовать связь своего нравственнаго бытія съ ихъ великимъ дѣломъ.

Первоисточники для изученія просвѣтительной дѣятельности славянскихъ апостоловъ одни и тѣ же для всѣхъ изслѣдователей: это такъ называемыя Паннонскія житія, похвальные слова и службы, повѣсть объ Успеніи св. Кирилла, и легенды: Солунская, Итальянская, Моравская, Чешская, Болгарская, Охридская и Македонская. Всѣ эти первоисточники въ большей или меньшей мѣрѣ стоятъ въ связи съ преданіями, ближайшими къ славянскимъ апостоламъ, но въ то же время замѣтно отражаютъ въ себѣ разнообразныя цѣли и виды, частныя и условныя, времени и мѣста. Я не буду занимать вашего просвѣщеннаго вниманія критическими соображеніями на счетъ относительнаго достоинства указанныхъ источниковъ: это задача ученыхъ изслѣдованій, а не публичнаго общественнаго слова. Я не намѣренъ также вводить васъ въ массу многочисленныхъ и разнообразныхъ мелкихъ вопросовъ, относящихся къ данному предмету и не получившихъ устойчиваго рѣшенія: наибольшая часть такихъ вопросовъ имѣетъ значеніе лишь въ строгой наукѣ и совершенно безразлична для общественнаго пониманія всеславянскихъ апостоловъ и оцѣнки ихъ просвѣтительной дѣятельности. Задача нашего слова скромнѣе: очертить

Скажи мнѣ, говоритъ практическая мудрость, кто твой другъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ. Не даромъ, конечно, излюбленнымъ Отцемъ Церкви для св. Кирилла является не Григорій Нисскій, не Василій Великій, не Златоустъ, но именно Григорій Богословъ. Преданія передаютъ намъ, что съ раннаго дѣтства читалъ онъ и училъ наизусть его творенія; имъ пользовался онъ въ борьбѣ съ еретиками; его словами и образами выражалъ онъ свои мысли и свое вѣроученіе. Эта любовь его къ Григорію Богослову освѣщаетъ для насъ характеръ его христіанскаго міросозерцанія и направленія его богословской мысли. Стоитъ лишь воспроизвести намъ въ сознаніи образъ Григорія Богослова, его святаго друга, его излюбленнаго Отца, на которомъ онъ воспитался, и тогда станетъ для насъ понятнымъ многое и въ жизни самого Кирилла.

Григорій Богословъ былъ съ душою пылкою и прямою, не умѣвшею привязываться къ чему бы то ни было на половину и чувствовать что-бы то ни было слегка. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состояла въ томъ, что о чемъ бы онъ не разсуждалъ, о Богѣ, или мірѣ или человѣкѣ, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи всегда стояла на первомъ мѣстѣ. Высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова; онъ обыкновенно говорилъ, какъ вдохновенный, сильно и рѣшительно, выработалъ свой оригинальный возвышенный языкъ и заботился о томъ, чтобы каждое его слово было достойнымъ выраженіемъ его мыслей. Богъ для него былъ умъ или свѣтъ. Но этотъ Высочайшій умъ или Свѣтъ созерцалъ онъ во Отцѣ и Сынѣ и св. Духѣ—какъ солнце, лучъ и свѣтъ, которыхъ богатство въ соестественности и единомъ исторженіи свѣтлости». Сладость созерцанія, наполнявшаго его душу священнымъ восторгомъ, дѣлала для него пустыню раемъ и онъ выступалъ на общественное служеніе лишь только тогда, когда требовали того вопіющія нужды церкви и за тѣмъ снова удалялся въ свою любимую пустыню. Въ жизни Славянскаго Апостола Кирилла мы видимъ тѣже нравственныя черты. Разумѣніе Божества, какъ Трїединого свѣта, представляетъ туже особенность его личнаго богословскаго умозрѣнія—и ученіе о св. Троицѣ служило главною темой въ борьбѣ его съ Сарацинами и жидами. Онъ, подобно Григорію Богослову, обладалъ созерцательнымъ и поэтическимъ направленіемъ мысли и дорожилъ словомъ *образнымъ* для выраженія христіанскихъ истинъ. Онъ и въ самой жизни является подобнымъ Григорію Богослову: то онъ выступаетъ на общественное служеніе, то удаляется въ уединеніе, то скрывается въ пустынь.

Заглянемъ наконецъ въ самое сердце св. Кирилла и коснемся той

живой струны, которая звучала въ немъ отъ раннихъ лѣтъ юности до послѣдняго вечерняго дня. Вся жизнь его была непрерывнымъ подвигомъ любви, приводившей къ свѣту славянскіе народы. Но вотъ и на склонѣ вечерняго дня, когда болѣзненная язъ уже сложила его на смертную постель и когда за нѣсколько дней до своей кончины Кирилль принялъ Ангельскій образъ, онъ непрестанно и пламенно молился и въ своихъ молитвахъ поминалъ свою славянскую паству, призывая на нее Божіе благословеніе. Онъ молился воздымая руки горе, и слезы текли по его изхудалымъ ланитамъ. Господи, взывалъ онъ, услыши молитву мою и сохрани вѣрное стадо твое! Дай имъ быть людьми «изрядными» и вдохни въ сердце ихъ слово ученія твоего! Благоустрой ихъ сильною десницею твоею и защити ихъ подъ покровомъ криль твоихъ! Такъ молился онъ за своихъ возлюбленныхъ сыновъ, за свою славянскую паству. Въ самые послѣднія минуты онъ опять вспоминаетъ славянъ и болѣетъ за нихъ душою. Онъ опасается, чтобы братъ его сподвижникъ Меѳодій не оставилъ начатаго подвига и не ушелъ въ любимый имъ родной монастырь—Олимпъ. И вотъ лобызая его въ послѣдній разъ на смертномъ—одрѣ, онъ умоляетъ его и даетъ свой завѣтъ: «мы, брате говорить, тянули съ тобой одну борозду—и вотъ я, падаю на градъ, кончаю дни мои; ты же слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ, но смотри, ради его не покидай начатаго служенія—имъ ты скорѣе можешь спастись.» Послѣ этой задушевной мольбы къ своему брату не покидать святаго дѣла просвѣщенія славянской семьи, Кирилль облобызалъ окружавшихъ его славянскихъ учениковъ и умеръ. * Нѣтъ нужды, что всѣ эти отзвуки его любви къ славянской семьѣ донеслись до насъ лишь въ отдаленныхъ преданіяхъ. Народныя преданія часто яснѣе рисуютъ жизненную правду и даютъ глубже понимать великихъ дѣятелей исторіи, чѣмъ дѣловыя бумаги и архивныя акты.

Совсѣмъ иного нравственнаго уклада и направленія была природа другого Апостола славянства св. Меѳодія. Не извѣстно, гдѣ онъ получилъ свое образованіе—вѣроятно въ той же Солунской школѣ, но рано выступилъ на служебное жизненное поприще; онъ не занимался философіей, не упражнялся въ діалектикѣ, но основательно былъ знакомъ съ догматами Восточнаго православія; и если Кирилль—былъ богословъ—созерцатель и поэтъ, подобный Григорію Богослову, то братъ его Меѳодій—былъ дѣятель практическій, подобно Василию Великому. Кирилль обладалъ теоретическимъ умомъ: Меѳодій былъ чело-

---

* Бильб. стр. 196.